

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.А. Романский

**Награды духовенству,
как один из неотложных
вопросов пастырского служения**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1907. № 5. С. 692-707.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

Награды духовенству, какъ одинъ изъ неотложныхъ вопросовъ пастырскаго служенія *).

УТО касается наперснаго креста въ русской церкви право ношенія креста на персяхъ при богослуженіи на фелони, а внѣ храма на рясахъ получило свое начало изъ греческой церкви. Это право принадлежало прежде всего архіереямъ, а затѣмъ распространилось на архимандритовъ почетнѣйшихъ русскихъ монастырей кievской митрополіи. Отсюда въ началѣ 18 вѣка этотъ обычай мало по малу сталъ проникать и въ московскую Русь и прежде всего для архимандритовъ Троице-Сергіевой лавры, но не въ силу личныхъ заслугъ настоятелей этой знаменитой лавры, а въ виду ея важности въ ряду другихъ сѣверо-западныхъ монастырей.

Петръ I въ 1722 году распространилъ было право ношенія наперснаго креста на архимандритовъ, бывшихъ въ составѣ Св. Синода, но это право, дарованное членамъ Св. Синода, осуществлено было только въ 1741 году, а въ 1742 году по указу императрицы Елизаветы Петровны въ 1-й день октября распространено было и на всѣхъ архимандритовъ, для отличія отъ игуменовъ и іеромонаховъ монастыря. При Екатеринѣ II, по примѣру архимандритовъ, наперсные кресты въ нѣкоторыхъ случаяхъ стали получать и почетные протоіереи. Такъ, въ 1781 году, напримѣръ, былъ награжденъ протоіерей Самборскій брилліантовымъ крестомъ на голубой

*) Окончаніе. См. апрѣль.

лентѣ, указомъ же Павла I отъ 18 декабря 1797 года повелѣно было награждать „крестомъ для ношенія на шеѣ“ и всѣхъ заслуженныхъ священниковъ изъ блага духовенства; при чемъ установленные въ 1797 году наперсные кресты для блага духовенства отличались нѣсколько отъ прежнихъ крестовъ и имѣли рельефное на себѣ изображеніе Распятаго.

Въ царствованіе Александра I стали жаловать духовенству наперсные кресты съ драгоценными украшеніями изъ кабинета Его Величества, а 24 февраля 1820 г. Св. Синодъ рѣшилъ „опредѣленнымъ къ миссіямъ нашимъ въ иностранныхъ государствахъ священнослужителямъ изъ монашествующаго и блага духовенства дозволять по введенному издавна обыкновенію на время пребыванія ихъ въ этомъ служеніи носить наперстный крестъ изъ приличія ихъ сану“. Кресты были золотые и выдавались изъ кабинета Его Величества, но подъ условіемъ, чтобы получавшій такой крестъ прослужилъ за границей 7 лѣтъ; въ противномъ случаѣ онъ отбирался у награжденнаго и передавался его преемнику. По истеченіи же 7-ми лѣтъ крестъ обращался въ награжденіе и оставался у него навсегда и по возвращеніи въ Россію ²⁸⁾.

Съ 1881 года наперсные кресты награжденнымъ отъ Св. Синода были уже не золотые, но лишь вызолоченные и рельефное изображеніе замѣнено начертаннымъ, а съ 1904 года цѣпь перестаетъ имѣть конецъ, опускавшійся на спину.

Со времени коронаціи Императора Николая II въ 14 день мая 1896 года дарованы каждому священнику серебряные особой формы кресты, которые и возлагаются на нихъ при хиротоніи. Такова историческая справка о наперсныхъ крестахъ. Наперсные кресты считались наградою, да и нынѣ считаются за таковую золотые (сребропозлащенные) кресты. Между тѣмъ наперсный крестъ долженъ быть необходимою принадлежностью священнаго сана. Эта справедливая мысль, правда, какъ бы получила реальное осуществленіе въ дарованіи всѣмъ священникамъ при ихъ хиротоніи серебряныхъ особой формы наперсныхъ крестовъ съ 14 мая 1896 года, но не доведена до конца, и нынѣ продолжаетъ существовать рѣзкое дѣленіе наперсныхъ крестовъ на золотые и серебряные.

Не говоря уже о различіи металла, столь не свойственномъ идеи, соединяемой съ крестомъ, укажемъ на то стран-

²⁸⁾ *Дмитріевскій*. Ставленникъ, 1904 г., стр. 118—123.

ное недоумѣніе, которое должно появиться у каждаго, если онъ обратитъ вниманіе на надписи, имѣющіяся на золотыхъ и серебряныхъ наперстныхъ крестахъ.

На оборотѣ серебрянаго креста читаемъ слѣд. надпись: „образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою“ (I Тим. IV, 12), на золотомъ же или точнѣе сребропозлащенномъ наградномъ крестѣ надпись: „пресвитеру, дающему образъ вѣрнымъ словомъ и житіемъ“.

Сопоставленіе этихъ двухъ надписей на наперстныхъ крестахъ даетъ основаніе къ тому выводу, что священникъ, имѣющій золотой крестъ, представляетъ собой уже образецъ и примѣръ по слову и житію, священникъ же съ серебряннымъ крестомъ не достигъ еще такого нравственнаго совершенства; ему рекомендуется еще быть таковымъ. Жизнь же говоритъ другое, и отъ того возникаетъ крупное недоразумѣніе. Въ дѣйствительности вѣдь весьма нерѣдко бываетъ, что священникъ, имѣющій золотой наперстный крестъ, стоитъ въ пастырскомъ служеніи гораздо ниже священника съ серебрянымъ крестомъ. Вотъ два пастыря: почтенный старецъ священникъ — сельскій, любимый приходомъ, съ высокимъ нравственнымъ авторитетомъ, имѣетъ только серебряный крестъ, данный ему по священству, а другой городской— вдвое моложе, благодаря знакомству, протекціи или инымъ причинамъ, человекъ иногда къ тому съ предосудительною репутациею, уже награжденъ золотымъ крестомъ. Выходитъ, что старецъ священникъ какъ будто не достигъ еще пастырскаго совершенства, а тотъ уже обладаетъ имъ. Но можно ли по совѣсти сказать, чтобы кто-нибудь изъ христіанъ, будетъ ли онъ мірянинъ или священникъ, могъ достигнуть полнаго нравственнаго совершенства, что священникъ послѣ полученія золотого креста, дающаго ему аттестатъ совершенства, уже больше не имѣетъ надобности въ усовершенствованіи своего нравственнаго состоянія, почему и можетъ довольствоваться достигнутымъ? Да вѣдь это уже явное фарисейство...

Справедливость требуетъ уничтоженія дѣленія наперстныхъ крестовъ на золотые и серебряные и различія надписей на нихъ. Крестъ долженъ быть одинъ, одинаковый для всѣхъ, какъ необходимая принадлежность священнаго сана, и надпись на немъ должна быть одна, а именно та, что те-

перъ на серебряномъ крестѣ, какъ вполнѣ соотвѣтствующая назначенію пастырѣй ²⁹⁾.

Санъ протоіерея нынѣ представляетъ простой титулъ, жалуемый почетнымъ священникамъ въ награду, но раньше протоіерейство, какъ архіепископство, архимандритство, игуменство, было должностію, соединенною съ извѣстными административными полномочіями ³⁰⁾, и въ московской епархіи, напимѣръ, до половины 18 вѣка протоіерейство было вообще принадлежностію старшихъ священниковъ въ соборахъ; причемъ протоіерейство по званію своему въ то время не было привлекательно, такъ какъ при открытіи протоіерейскихъ мѣстъ въ соборахъ приходскіе священники отказывались въ виду скуднаго оклада или содержанія ³¹⁾. Но съ теченіемъ времени протоіерейство, эта въ сущности должность, почему-то превратилось въ названіе сана, въ чинъ и отобрано въ коллекцію отличій и наградъ. Извѣстно, напр., преосвященный московскій Платонъ (Левшинъ 1775—1811), замѣчаетъ Розановъ, изслѣдователь московской церковной старины, зная цѣну поощреній и наградамъ и „скудные того времени знаки отличія или награды, какъ человекъ, у котораго мало капитала, а нуждъ много, раздѣлялъ экономически. Поощряя благочинныхъ къ прохожденію должности съ большимъ усердіемъ, Платонъ объяснялъ, что они за труды свои и ревность свою по службѣ обнадеживаются: 1) архіерейскимъ особливимъ благоволеніемъ, 2) благословеніемъ служить съ набадренникомъ и 3) степенемъ протоіерейскимъ. При примѣненіи же на практикѣ такого отличія, какъ протоіерейство, возникало и возникаетъ много недоумѣній. Жизнь часто показываетъ, что приходскій протоіерей т. е. первоіерей стоитъ въ подчиненномъ отношеніи къ своему благочинному—іерею, а въ соборныхъ служеніяхъ благочинный іерей уступаетъ мѣсто своему подчиненному протоіерею. Членъ консисторіи іерей является начальникомъ

²⁹⁾ Наперсные кресты жалуются въ видѣ награды настоятельницамъ монастырей, хотя и безъ всякихъ надписей на крестахъ. Само собою понятно, что кресты не могутъ быть даваемы имъ, какъ не имѣющимъ священнаго сана. Равнымъ образомъ должны быть отмѣнены кресты—кабинетскіе и съ украшеніями, какъ не имѣющіе ничего общаго съ принадлежностію священнаго сана.

³⁰⁾ Церк. Вѣд. 1906 г. № 51—52, стр. 220.

³¹⁾ Розановъ. Ист. Моск. еп. упр. 7, 3, кн. 1, стр. 131—132.

надъ благочинный протоіереемъ, пишетъ ему предписанія въ консисторскихъ указахъ, а въ соборномъ служеніи долженъ уступить мѣсто вообще каждому протоіерею, какъ низшій священникъ, и въ то же время, какъ приходскій священникъ, подчиняется своему благочинному, которому, какъ членъ консисторіи, предписывалъ. Сохранившійся донинѣ отъ старины обычай соединять съ настоятельскимъ мѣстомъ въ соборахъ званіе протоіерея возбуждаетъ еще больше недоразумѣній. Молодой, опредѣленный настоятелемъ въ соборъ, только что посвященный въ санъ священника, возводится по штатному соборному положенію въ санъ протоіерея, а затѣмъ получаетъ постепенно въ награду скуфью, камилавку, золотой наперсный крестъ. Выходитъ, что онъ, — первый соборный іерей, имѣетъ лишь серебряный наперсный крестъ, показывающій своею надписью, что онъ не достигъ еще паптырскаго совершенства — протоіерейства, не имѣетъ права носить даже скуфьи, но въ соборномъ служеніи стоитъ выше іерея, обладающаго золотымъ наперснымъ крестомъ, показывающимъ, что обладатель его достигъ паптырскаго совершенства.

Такая путаница въ положеніяхъ существуетъ только въ духовномъ вѣдомствѣ, благодаря примѣненію наградъ. Наконецъ, недоумѣніе является и тамъ, гдѣ въ одномъ многочисленномъ причтѣ имѣется 2, 3, 4 протоіерея; каждый изъ нихъ вѣдь есть первый іерей. Спрашивается, предъ кѣмъ же каждый имѣетъ первенство, когда всѣ они первые?

Конечно, было бы справедливѣе уничтожить дѣленіе на іереевъ и протоіереевъ, какъ это уже и заявляется теперь въ печати ³²⁾. Но если уже и сохранить самый санъ протоіерея, то давать его уже никакъ не въ видѣ награды, но какъ штатное положеніе для извѣстныхъ должностей-настоятельства въ каедральныхъ соборахъ, завѣдыванія военнымъ и морскимъ духовенствомъ, для чего и выработать извѣстные штаты съ переименованіемъ таковыхъ протоіереевъ въ протопресвитеровъ, какъ это и было принято въ старину ³³⁾ и какъ это и нынѣ принято въ архіерейскихъ чиновникахъ, гдѣ имѣется чинъ возведенія не въ протоіерея, но въ протопресвитера.

³²⁾ Вѣкъ. Спб. бібліотека. 1907 г., вып. 1, стр. 14.

³³⁾ Розановъ. Ист. Моск. еп. упр. ч. 2, кн. 1, стр. 71 и примѣч. 175.

О палицѣ и набедренникѣ.

Въ греческой церкви принадлежностію архіерейскаго сана былъ епигонатій — ромбическій платъ, привѣшиваемый къ поясу за одинъ уголъ, но по волѣ епископа епигонатій давался и почетнымъ пресвитерамъ по ихъ заслугамъ.

Въ современной же практикѣ греческой церкви епигонатій получаетъ всякій іерей, имѣющій достоинство или отличие предъ остальными рядовыми пресвитерами.

Въ русской церкви епигонатій или палица также издавна считался принадлежностію архіерейскаго сана, но подъ вліяніемъ практики восточной церкви возникъ обычай и въ русской церкви награждать епигонатіемъ архимандритовъ. Начало этого обычая положено было кіевскими митрополитами, какъ экзархами константинопольскаго патріаршаго трона, а въ XVI вѣкѣ обычай этотъ изъ Кіева проникъ и въ сѣверо-восточную Русь; причемъ епигонатій давался архимандритамъ знатнѣйшихъ русскихъ монастырей, какъ Троице-Сергіева лавра; большинство же архимандритовъ, игуменовъ и протоіереевъ награждались не палицею, но набедренникомъ — четырехугольнымъ, продолговатымъ платомъ, привѣшиваемымъ двумя краями; и этотъ набедренникъ съ конца XVI вѣка сдѣлался богослужебнымъ отличіемъ архимандритовъ, игуменовъ и протоіереевъ.

Появленіе въ русской церкви набедренника проф. Дмитріевскій объясняетъ желаніемъ, съ одной стороны, удержать за палицею значеніе исключительно богослужебной принадлежности архіерейскаго сана, а съ другой — создать и для почетнѣйшихъ лицъ изъ бѣлаго и чернаго духовенства такой знакъ отличія при отправленіи ими богослуженія, который бы имѣлъ нѣкоторыя особенности сравнительно съ архіерейскою палицею, но точныхъ свѣдѣній, когда именно набедренникъ сдѣлался наградой, проф. Дмитріевскій не имѣетъ ³⁴⁾.

Однако, съ достовѣрностію мы скажемъ, что въ половинѣ XVIII вѣка набедренникъ былъ уже наградой и не соединялся съ производствомъ въ протоіерейство. Набедренникъ въ это время давался лишь протопопамъ-настоятелямъ соборовъ, которые отъ того именовались протопресвитерами. Такъ поступать, напримѣръ, московскій митрополитъ Пла-

³⁴⁾ *Дмитріевскій*. Ставленникъ, стр. 115.

тонъ I (1748—1754)³⁵⁾, но онъ же наградила саномъ протоіерейства и безъ набедренника³⁶⁾. Митрополитъ московскій Тимофей (1757—1767) въ протоіереи также производилъ съ возложеніемъ набедренника, а иныхъ безъ набедренника³⁷⁾.

Отсюда можно видѣть, что въ то время набедренникъ считался высокою наградою, которую имѣли не всѣ протоіереи. Такого же взгляда на набедренникъ, какъ извѣстно, держался и московскій митрополитъ Филаретъ. Въ настоящее время набедренникъ представляетъ собою самую низшую награду, и лица, если по посвященіи въ санъ священника производятся прямо въ протоіереи, какъ это бываетъ при назначеніи на должности настоятелей соборовъ и ректоровъ духовныхъ семинарій, получаютъ набедренникъ при самомъ возведеніи въ санъ протоіерея.

При употребленіи палицы и набедренника въ настоящее время въ практикѣ русской церкви замѣчается и другая особенность, а именно: архимандриты всѣ безъ исключенія носятъ при богослуженіи палицу вмѣстѣ съ набедренникомъ. Также поступаютъ и тѣ изъ игуменовъ и протоіереевъ, которые имѣютъ палицу.

Такого совмѣстнаго употребленія палицы и набедренника не было въ русской церкви до XVIII вѣка и соборное дѣяніе 1674 г. о преимуществахъ облаченій усвоить архимандритамъ трехъ главныхъ монастырей (Сергіево-Радонежскаго, Владиміра града Рождественскаго и на Москвѣ Чудова) одну палицу безъ набедренника³⁸⁾, но со второй половины XVIII вѣка случаи такого совмѣстнаго употребленія палицы и набедренника мы видимъ не только по отношенію къ архимандритамъ, но и московскимъ протопопамъ. Такъ, московскій протопопъ Архангельскаго собора въ Москвѣ Петръ Алексѣевъ „за восхищеніе имъ сверхъ своего протопопскаго именованія излишней и не принадлежащей ему чести настоятеля и за написаніе, къ оскорбленію и поношенію всѣхъ преосвященныхъ архіереевъ, вымышленнымъ и неслыханнымъ вовсе въ Россіи наименованіемъ архипопъ“, рѣшеніемъ консисторіи 6 апрѣля 1790 г., между прочимъ положено

³⁵⁾ Розановъ. Ист. моск. епарх. упр. ч. 2-я, кн. 1, стр. 71 и прим. 175.

³⁶⁾ Ibid. стр. 179.

³⁷⁾ Розановъ. Ист. моск. еп. упр. ч. 2, кн. 2, стр. 33.

³⁸⁾ Дмитріевскій. Ставленникъ, стр. 117—118.

„удержать у него Алексѣева чинъ протопопства на годъ, а потому и священнослуженіе въ оное годичное время исправлять безъ палицы и набедренника“³⁹⁾.

Такимъ образомъ, историческая справка о палицѣ и набедренникѣ даетъ полное основаніе къ заключенію, что палица, строго говоря, есть принадлежность исключительно архіерейскаго сана. Для сохраненія такого именно значенія за палицею учрежденъ былъ собственно для духовенства набедренникъ, дававшійся затѣмъ въ видѣ награды. Однако, впослѣдствіи палица, какъ исключительная богослужебная прерогатива архіерейскаго сана, стала терять свое исключительное значеніе и перешла къ архимандритамъ, какъ принадлежность сана архимандрита⁴⁰⁾, а къ бѣлому духовенству въ видѣ награды, набедренникъ же остался наградкою для священниковъ и іеромонаховъ.

Слѣдуетъ возстановить древнее значеніе палицы; необходимо оставить палицу за одними архіереями, какъ принадлежность ихъ сана, архимандритамъ же давать, но не въ видѣ награды, тѣхъ монастырей, которыя издавна пользуются нѣкоторыми богослужебными прерогативами архіерейскаго служенія, какъ это бываетъ въ ставропигіальныхъ монастыряхъ, и притомъ при служеніи въ своемъ только монастырѣ, но не внѣ ихъ, когда уже теряются архіерейскія прерогативы. Набедренникъ слѣдуетъ давать лицамъ бѣлаго и чернаго духовенства, какъ богослужебную принадлежность священнаго сана при хиротоніи. Это было бы вполнѣ справедливо и необходимость такого положенія вытекаетъ изъ того смысла, который соединяется съ палицею и набедренникомъ.

Набедренникъ знаменуетъ мечъ духовный, духовное оружіе, которое есть Слово Божіе, противъ невѣрія, ереси, нечестія, вообще противъ всего грѣховнаго, порочнаго. Палица, при возложеніи которой тѣ же слова, что и при возложеніи набедренника, изображаетъ сугубую ревность о вѣрѣ и спасеніи человѣка. Понятно, что каждый пастырь уже по зва-

³⁹⁾ *Розановъ*. Ист. моск. еп. упр., ч. 3, кн. 1, примѣч. 600. Проф. *Дмитріевскій* почему-то полагаетъ, что бѣлое духовенство получило палицу по указу Павла I въ 1797 г. (Ставл. стр. 118), когда палица, какъ видно изъ вышеизложеннаго, давалось протопопамъ и равѣе.

⁴⁰⁾ По мнѣнію проф. *Дмитріевскаго* (Ставл. стр. 114), на югѣ Россіи палица была принадлежностію сана архимандрита въ концѣ XVI вѣка.

нію своему въ своемъ пастырскомъ служеніи долженъ имѣть этотъ духовный мечъ-набедренникъ, архіерей же, какъ имѣющій сугубую благодать священства, имѣетъ и сугубый мечъ духовный—палицу.

Намъ представляется, что только недоразумѣніе и недостаточная вдумчивость могли изъ палицы и набедренника сдѣлать награду.

Теперь остается сказать о митрѣ и панагіи.

Митра, представляющая собою богослужебный покровъ, употребляющаяся только при богослуженіи, подобно богослужебнымъ одеждамъ, образовалась изъ монашескаго клобука или что то же скуфьи.

Головной покровъ монаховъ, къ которымъ принадлежали наши архіереи, былъ двойной и состоялъ: 1) изъ монашеской скуфьи, называвшейся кукулемъ у схимниковъ, а камилавкою и клобукомъ у манатейныхъ монаховъ и 2) изъ платяного извѣстной формы покрова поверхъ кукуля и камилавки (клобука), называвшагося крепомъ.

Когда монахи, имѣвшіе степень священства, не просто стояли, но и служили, то они снимали верхній покровъ, т. е. крепъ, оставаясь въ одномъ клобукѣ или въ одной скуфьѣ, и соблюдали относительно сниманія тѣ же правила, которыя наблюдались бѣлымъ духовенствомъ относительно своихъ скуфей.

У нашихъ архіереевъ вошло въ обычай служить не во всякой скуфьѣ, но имѣть для того скуфьи нарочитыя для богослуженія. Въ виду того, что во время богослуженія скуфьи снимались, то, чтобы не класть ихъ плашмя и сплюсненно, а ставить, архіереи начали дѣлать эти богослужебныя скуфьи на твердой подкладкѣ, такъ что получался видъ шапочекъ. Эти шапочки стали затѣмъ дѣлать изъ дорогихъ матерій, снабжать украшеніями и иконами, и такимъ образомъ у архіереевъ явилась особая богослужебная шапочка, увеличенная вполслѣдствіи (съ конца XVI вѣка) до размѣра шапокъ.

Эти-то сначала шапочки, а потомъ шапки и представляютъ собою наши митры.

Отъ насъ эти шапки были заимствованы греками, а послѣдніе придали имъ форму вѣнцовъ и коронъ императорскихъ. Эту новую форму отъ грековъ заимствовалъ въ свою очередь патріархъ Никонъ, давшій имъ и греческое названіе митры⁴¹⁾.

⁴¹⁾ Голубинскій. Ист. р. ц. 1881 г., т. 2, п. 1, стр. 233—236.

Такъ возникла наша митра и, какъ видно, это головное украшеніе нашихъ епископовъ сдѣлалось принадлежностію ихъ сана сравнительно въ недавнее время. По крайней мѣрѣ, во всѣхъ древнѣйшихъ и позднѣйшихъ чинахъ хиротоній не только епископа, но и митрополита и даже патріарха — греческихъ и нашихъ южно-славянскихъ старопечатныхъ и нынѣ употребляемыхъ о митрѣ нѣтъ упоминаній, и только въ южно-русскихъ литургическихъ памятникахъ имѣются чины, въ которыхъ говорится о возложеніи митры на епископовъ при хиротоніи и даже при возведеніи въ санъ архимандрита. Однако, не смотря на это, проф. Дмитріевскій высказываетъ мнѣніе, будто въ практикѣ греческой церкви издавна патріархъ александрійскій, а по его примѣру и нѣкоторые другіе восточные епископы употребляли при богослуженіи митру, и свое мнѣніе основываетъ на свидѣтельствѣ писателя половины XV вѣка Симеона Солунскаго, который вопрося: почему, кромѣ александрійскаго патріарха, архіереи и священники служатъ съ открытою головою и что лучше служить съ непокрытою головою, отвѣчалъ: „съ непокровенною главою всѣ восточные іерархи и священники, за исключеніемъ александрійскаго патріарха, совершаютъ священнодѣйствіе не по уничиженію какому-либо, но по слову возвышеннѣйшему и особенно священному, которое благоглаголивый Павелъ предлагаетъ въ наученіе, называя главою нашего Христа, насъ же членами Его, и что чтущимъ нашего главу Христа во время молитвы имѣть головы открытыми. И не только по этому, но и потому, что на открытую голову хиротонисуемый принимаетъ рукоположеніе и долженъ такимъ образомъ молиться и священнодѣйствовать, какъ онъ былъ рукоположенъ. Іерархъ же въ особенности, такъ какъ хиротонисуемый имѣетъ на главѣ богопреданныя словеса, т. е. св. Евангеліе, а другого покрывала въ ту пору, когда священнодѣйствуетъ божественнѣйшія (тайны) не долженъ имѣть на главѣ. Но, быть можетъ, кто скажетъ: александрійскій патріархъ имѣющій на главѣ покрывало и весьма многіе другіе, по древнему преданію, не поступаютъ ли не благочестно? Я этого не говорю, ибо у поступающихъ такимъ образомъ (оправданіемъ служить) древнее преданіе, но лучше законнѣйшее. Въ самомъ дѣлѣ законный (ветхозавѣтный) архіерей носилъ на главѣ кидарь, который и митрою называли, какъ и архіереи, надѣвающіе ее, любятъ называть (т. е. въ настоящее

время). Быть можетъ, они имѣютъ ее по подобію терноваго вѣнца Владыки или сударя, находящагося на главѣ Его. Однако же, поелику снимаютъ съ себя митру и они въ важнѣйшія времена священнодѣйствія, то этимъ показываютъ, что преданіе блаженнаго Павла важнѣе, ибо образъ терноваго вѣнца изображается постриженіемъ волосъ на главѣ посвященныхъ, при совершеніи священной печати. Важнѣе, конечно, молиться съ открытою головою и не должно этимъ пренебрегать и въ особенности въ важнѣйшія времена. Въ другомъ мѣстѣ въ отвѣтѣ Гавріилу, епископу Пентапольскому, Симеонъ Солунскій возвращается еще разъ къ объясненію вопроса, почему александрійскій патріархъ и римскій папа совершаютъ богослуженіе въ митрѣ, а прочіе архіереи съ открытою головою, и указываетъ для перваго основаніе въ подражаніи одѣянію ветхозавѣтнаго первосвященника и въ разрѣшеніи собора, дозволившаго ему по болѣзни надѣвать на главу митру, оставаясь при прежнемъ объясненіи символическаго значенія этого одѣянія, а для папы римскаго основаніе въ хрисовулѣ или царственной грамотѣ царя Константина папѣ Сильвестру. Затѣмъ Симеонъ Солунскій снова разъясняетъ важность обычая совершать богослуженіе епископамъ съ открытою головою, для которой митрою должно считаться Св. Евангеліе, возлежавшее на главѣ ихъ во время хиротоніи ⁴²⁾.

Но проф. Голубинскій представляетъ это дѣло иначе и слова Симеона Солунскаго о „непокровленной головѣ“ понимаетъ не въ собственномъ смыслѣ. У архіереевъ, по объясненію Голубинскаго, не было нарочито богослужебнаго покрыва, но они, какъ и всѣ клирики, имѣли скуфьи, которыя прикрывали гуменце и эти скуфьи архіереи и священники снимали въ важнѣйшія времена литургіи, совершая важнѣйшія дѣйствія съ непокрытыми головами, а папа и патріархъ александрійскій оставались въ своихъ головныхъ покрывахъ во все продолженіе литургіи. Симеонъ Солунскій эту особенность ношенія скуфьи патріархами александрійскими и имѣлъ въ виду—тѣмъ болѣе, что, называя головной покровъ александрійскихъ патріарховъ митрою (т. е. повязкою), ничего не говоритъ объ его формѣ. Впрочемъ, исторію повязки патріарха александрійскаго до появленія на его головѣ

⁴²⁾ Ставленникъ, стр. 277—278.

нынѣшней митры, взятой отъ русскихъ, проф. Голубинскій считаетъ не совсѣмъ извѣстною ⁴³). Если же давать вѣру показанію Афанасія Ипсиланти, то до 1620 года никто изъ греческихъ архіереевъ не носилъ митры, такъ какъ онъ говоритъ, что въ этомъ году на соборѣ константинопольскомъ, бывшемъ въ присутствіи патріарховъ александрійскаго, антиохійскаго и іерусалимскаго, низложенъ съ престола архіепископъ Синайскій за то, что, „вопреки древнему преданію, первый изъ всѣхъ возложилъ на главу митру при совершеніи богослуженія“. Въ половинѣ XVII вѣка при Арсеніи Сухановѣ носили митры одни только патріархи и никто изъ прочихъ архіереевъ, и носили, такъ сказать, по секрету отъ султана, который, узнавъ въ 1658 г. о митрѣ патріарха іерусалимскаго, чуть было его не удавилъ ⁴⁴).

Однако, изъ всей этой исторіи слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что митра по своему возникновенію принадлежала только однимъ архіереямъ при совершеніи богослуженія; причемъ по взгляду Симеона Солунскаго епископамъ предпочтительнѣе и болѣе законно совершать богослуженіе съ открытою головою, для которой митрою должно служить Св. Евангеліе, возлежавшее на главѣ ихъ во время хиротоніи ⁴⁵).

Въ XVI вѣкѣ у насъ въ Россіи митра стала жаловаться и нѣкоторымъ заслуженнымъ архимандритамъ. Извѣстно, что въ 1561 году, по совѣту царя Ивана Васильевича и съ согласія всего освященнаго собора, былъ пожалованъ митрою московскимъ митрополитомъ игуменъ Троице-Сергіева монастыря Елевферій, возведенный въ архимандрита ⁴⁶), а въ XVII вѣкѣ случаи пожалованія митрою архимандритовъ извѣстныхъ монастырей встрѣчаются довольно часто.

Московскій соборъ 1667 года не возбранялъ архимандритамъ ношеніе митры, а соборъ 1674 года точнѣе опредѣлилъ, кому изъ архимандритовъ пользоваться этимъ высокимъ отличіемъ, а именно тремъ архимандритамъ „Сергіевскаго

⁴³) Голубинскій. Ист. р. ц., 2 п. 1 т. стр. 230—232.

⁴⁴) Ibid., стр. 235—236 и примѣч.

⁴⁵) Если такъ думаетъ Симеонъ Солунскій объ архіерейскомъ головномъ покрывѣ, то еще съ большею силою слѣдуетъ сказать то же о камилавкахъ и скуфьяхъ.

⁴⁶) Дмитріевскій. Ставленникъ, стр. 128.

монастыря Радонежскаго, Владиміра града Рождественскаго монастыря и на Москвѣ архистратига Михаила Чудова монастыря во священнодѣйствіи, когда кому изъ нихъ случится литургисать *безъ архіерея*, архимандритамъ же прочихъ обителей — великихъ и малыхъ имѣть одежды священнослуженія: стихарь, епитрахиль, поясъ, нарукавницы и фелонь и *тѣмъ доальтися*⁴⁷. При этомъ соборъ строго внушаетъ „архіереямъ же вѣще сего не дерзати поущати во епархіяхъ своихъ кому дѣяти что, или самому что дѣяти архимандритамъ или игуменамъ или епигонатій или шапку среброкованную носить“⁴⁷).

Это соборное постановленіе давало русскому государю большую свободу, которою и воспользовался Петръ I, задумавшій уничтожить патріаршество и привиллегію этого сана, съ необыкновенною щедростію раздѣлившій между архіереями и даже архимандритами и своимъ указомъ 1705 г. сдѣлавшій митру принадлежностію сана архимандрита⁴⁸).

Бѣлое духовенство впервые пожаловано митрою въ 1786 г., когда Екатерина II наградила этимъ отличіемъ своего духовника протоіерея Памфилова⁴⁹), по указу же императора Павла I отъ 18 декабря 1797 года это отличіе распространено было для знатнѣйшихъ изъ бѣлаго духовенства.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что по поводу награжденія протоіереевъ митрою тогдашній митрополитъ Платонъ II 6 октября 1798 г. писалъ петербургскому митрополиту Амвросію: „О, если бы при помощи Божіей Вы сдѣлали то, чтобы ни одному протоіерею не давали носить митру. Эта новость, если введена будетъ въ церковной іерархіи, будетъ соблазнъ для однихъ, въ другихъ возбудить честолюбіе и много другого, что ниспровергнетъ благоучрежденный порядокъ“⁵⁰), но протестъ московскаго Владыки не имѣлъ силы и указомъ Св. Синода 30 декабря 1798 г. установленъ былъ порядокъ пожалованія лицъ бѣлаго духовенства этимъ отличіемъ. Въ 1859 году 6 марта послѣдовалъ Высочайшій указъ о недопусканіи представленія лицъ бѣлаго духовенства къ награжденію митрою, и пожалованіе ею предоставлено

⁴⁷) Ibid. стр. 130.

⁴⁸) Ibid. стр. 131.

⁴⁹) „Спб. Дух. Вѣст.“ 1887 г. № 50.

⁵⁰) Ibid. № 51—52.

непосредственному Его Величества усмотрѣнію; Св. Синоду дано было право входить о пожалованіи митрою лишь за-служивающихъ того настоятелей петербургскаго Исакіевскаго собора. Это Высочайшее повелѣніе было подтверждено Высочайшимъ же указомъ 20—29 марта 1884 года ⁵¹⁾.

Однако, въ настоящее время случаи награжденія лицъ бѣлаго духовенства митрою сдѣлались не рѣдки; при этомъ нынѣ уже не обращается вниманія на должность, которую занимаетъ удостоиваемый, и награжденіе митрою лицъ бѣлаго духовенства является нерѣдко совершенно случайнымъ, по поводу, напримѣръ, какого-либо юбилейнаго торжества въ полку, или по случаю повѣчанія кого-либо изъ высокопоставленныхъ особъ, или по личному расположенію къ данному лицу высокой особы, или наконецъ даже за политическую дѣятельность въ духѣ, угодномъ правительству и вѣдомству православнаго исповѣданія.

Предпочтительнѣе и болѣе законно, скажемъ словами Симеона Солунскаго, совершать богослуженіе съ непокрытой головой, но если желательно уже удержать митру, то привилегію ношенія ея предоставить однимъ архіереямъ, какъ принадлежность ихъ сана, а изъ архимандритовъ—настоятелямъ ставропигіальныхъ монастырей, но, конечно, при служеніи ихъ въ своихъ монастыряхъ, а не внѣ ихъ, когда настоятели сихъ монастырей уже теряютъ нѣкоторыя архіерейскія богослужебныя преимущества, присущія только ихъ монастырямъ.

Панагія есть небольшая круглая икона съ изображеніемъ Спасителя, Божіей Матери и какихъ-либо святыхъ. Названіе панагія значить — всевятая; причемъ подразумѣвается Матерь Божія.

Въ старое время эти иконы, носимыя архіереями, назывались енкалпіями (названіе это удержано и нынѣ въ чиновникѣ литургіи преждеосвящен. Даровъ) и означали крестъ или икону тѣльные, носить которые на себѣ составляетъ у христіанъ древній обычай. Названіе архіерейскихъ панагій енкалпіями показываетъ, что первоначально носили ихъ, какъ и всѣ христіане, не поверхъ платья, а подъ платьемъ и что только потомъ они начали носить ихъ снаружи, какъ особую принадлежность ихъ сана.

⁵¹⁾ „Церк. Вѣстн.“ 1884 г. № 13—14,

Когда случилось послѣднее, точныхъ свѣдѣній нѣтъ, но уже Симеонъ Солунскій, писатель половины XV вѣка, говоритъ объ архіерейскихъ енколпіяхъ въ ихъ нынѣшнемъ смыслѣ, какъ иконъ, носимыхъ архіереями снаружи. Въ это время енколпіи состояли или изъ иконъ въ собственномъ смыслѣ, или изъ крестовъ. Свое позднѣйшее названіе панагій енколпіи получили отъ того, что начали употреблять ихъ въ видѣ иконъ, на которыхъ по преимуществу была изображаема Божія Матерь ⁵²).

Появленіе обычая награждать панагіей заслуженныхъ архимандритовъ слѣдуетъ относить къ первой половинѣ 18 вѣка ⁵³). Этотъ обычай сохраняетъ свою силу и до настоящаго времени, но едва-ли имѣетъ для себя оправданіе въ исторіи панагіи, почему послѣдняя и должна оставаться принадлежностію архіерейскаго сана и изъ наградъ исключена; изъ архимандритовъ же панагія можетъ быть даваема лишь настоятелямъ ставропигіальныхъ монастырей подъ условіемъ носить ее при служеніи въ своемъ монастырѣ, но не внѣ его.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о брилліантовыхъ крестахъ, жалуемыхъ митрополитамъ и архіепископамъ на клобукъ также въ видѣ награды.

Въ греческой церкви, по свидѣтельству Симеона Солунскаго, ношеніе креста на головѣ предоставлено было только архіереямъ, а затѣмъ право ношенія креста на фелоняхъ во время богослуженія, а въ обычное время на головахъ, по дару архіерейскому, перешло и къ нѣкоторымъ архимандритамъ и къ ставрофорамъ (архонтамъ великой церкви). Это уже было при Симеонѣ Солунскомъ, въ половинѣ 15 вѣка.

Въ практикѣ русской церкви брилліантовый крестъ на клобукъ дается въ видѣ награды митрополитамъ и нѣкоторымъ заслуженнымъ архіепископамъ и только кіевскому митрополиту предоставленъ по каедрѣ. Хотя этотъ обычай, по мнѣнію проф. Дмитріевскаго ⁵⁴), находится въ генетической связи съ обычаемъ византійской церкви, практиковавшимся по отношенію къ высшимъ духовнымъ патріаршимъ сановникамъ или архонтамъ, но таковой крестъ, какъ видно,

⁵²) *Голубинскій*. Ист. р. ц., 2 п., 1 т., стр. 236—237.

⁵³) *Дмитріевскій*. Ставленникъ, стр. 121.

⁵⁴) „Церк. Вѣд.“ 1906 г. № 51—52. стр. 219.

составлялъ принадлежность патріаршаго сана и долженъ быть оставленъ у насъ за митрополитами, какъ принадлежность ихъ сана, а если будетъ патріархъ, какъ предположено, то привиллегію сію предоставитъ одному патріарху.

Сводя историческія справки о такъ назыв. духовныхъ наградахъ, нельзя не прийти къ заключенію, что въ древнее время ни греческая, ни русская церковь не знала наградъ, онѣ появились съ цѣлію поощрить непоощряемое по идеѣ и званію пастырское служеніе и исходили или изъ тщеславныхъ побужденій епископа, или изъ личныхъ расчетовъ свѣтской власти и въ своемъ практическомъ примѣненіи понизили цѣнность пастырскаго служенія, развивъ среди бѣлаго и чернаго духовенства зависть, угодничество, мѣстничество и другія качества, не свойственныя духу пастырскаго служенія.

Чтобы упорядочить пастырскую жизнь, поставить церковную іерархію на идейный путь, доставить духовенству истинное духовное дѣланіе, необходимо скорѣе уничтожить всѣ награды для бѣлаго духовенства, не говоря уже о духовенствѣ черномъ, отрѣшившемся отъ всѣхъ мірскихъ почестей.

И если покажется невозможнымъ сдѣлать это теперь чрезъ Св. Синодъ и соизволеніе Государя Императора, такъ какъ нѣкоторыя изъ внѣшнихъ отличій имѣютъ соприкосновеніе съ „невозбраненіемъ“ ихъ на русскихъ помѣстныхъ соборахъ (1667 и 1674), хотя инициатива введенія наградъ и не исходила отъ этихъ соборовъ, то рѣшеніе этого вопроса о наградахъ духовенству представляетъ одну изъ неотложныхъ задачъ предстоящаго всероссійскаго собора въ необходимой связи съ реформою прихода.

Свящ. Н. Романскій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки